

УДК 81'42
ББК 81.2

Т.Ю. Ларина

ОСОБЕННОСТИ ОНИМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И КАТЕГОРИЗАЦИИ И МЕСТО ОНИМОВ В МЕНТАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

Рассматриваются особенности категоризации и концептуализации имен собственных в ментальном лексиконе, что позволяет дать объяснение некоторым существенным аспектам семантики и функционирования онимов. Рассматривается структура и формы существования онимических фреймов и доменов, информационное наполнение онимического концепта, основные когнитивные процессы, связанные с онимической номинацией, и разрабатываются положения когнитивной ономастики как раздела лингвокогнитологии.

***Ключевые слова:** категоризация и концептуализация онимов, ментальный лексикон, фрейм, домен, онимический концепт, онимическая номинация.*

Ларина Татьяна Юрьевна – преподаватель кафедры английского языка гуманитарных факультетов Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета; соискатель кафедры русского языка и теории языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-928-155-31-37
E-mail: tatianalarina2008@yandex.ru

Сегодня формируется новая отрасль ономастики – когнитивное исследование имени. В этой области меняется не только аспект, но и сам предмет исследования. Если ономастика познает имена, то когнитивная ономастика выясняет, как это познание реализуется, каковы механизмы познания имен. Поскольку познание осуществляется в сознании человека языком мозга, то и когнитивная ономастика имеет дело, прежде всего, с ментальным лексиконом. По сути, выяснение способов бытия и функционирования онимов в ментальном лексиконе представляет собой основную проблему когнитивной ономастики.

Из этой проблемы вытекают и другие: формы концептуализации имен; свойства онимических концептов; способы организации онимических концептов в онимические фреймы и домены на почве унифицированных структур знаний и их связи с внеязыковыми реалиями; разграничение онимических фреймов в соответствии с разграничением их денотатов; разграничение онимических фреймов на индивидуальные и общеязыковые и пути такого разграничения; обоснование концентрической организации индивидуальных онимических фреймов и этноцентрической и радиальной организации общеязыковых онимических фреймов; ассоциативный характер семантического наполнения онимических концептов с его общим и индивидуальным компонентами; установление направлений ассоциативной идентификации онимических концептов.

© Ларина Т.Ю., 2015.

Меняются, причем существенно, и методы когнитивного исследования онимов. Методов непосредственного наблюдения ментального лексикона не существует, зато есть три довольно результативных пути его опосредованного лингвистического изучения. Это, во-первых, анализ актов речи, которые порождаются ментальным лексиконом и komponуются из имеющихся в ментальном лексиконе концептов, в том числе и концептов онимических. Этот путь представляет собой движение от концепта к слову. Во-вторых, это осуществление социолингвистических экспериментов, в том числе получение реакций-ассоциаций на онимические стимулы, что является движением от слова к концепту. И, в-третьих, это рефлексия исследователя, попытка проникнуть в деятельность своего собственного ментального лексикона, чтобы разобраться, как в нем существуют и функционируют имена. Этот путь – путь познания концепта как такового. В нашей работе мы пользуемся всеми этими тремя путями.

Новые, неизвестные данному человеку имена, постоянно приходят в его ментальный лексикон. Это и имена персонажей, авторов художественных, научных и публицистических текстов, фамилии авторов, собственные имена объектов, окружающих человека в повседневной жизни (вывески, знаки и др.), онимы, к которым апеллируют участники живой коммуникации и т.п. Большинство этих онимов сразу же забывается, выталкивается из ментального лексикона как ненужные, не связанные с актуальным дискурсом. Собственно, такие названия не проходят автономной системы допуска в ментальный лексикон, что в конечном итоге требуется для нормальной его работы. Ментальный лексикон не может быть излишне загроможденным.

Именно поэтому имена, которые проникли в ментальный лексикон, поддаются систематизации:

- 1) известны они или неизвестны;
- 2) если неизвестны, то к какой группе их следует отнести;
- 3) какие денотаты им сопоставлены и какие существуют знания об этих денотатах.

Иными словами, происходит обработка, перекодирование имени собственного – трансформация слова в концепт, его концептуализация. Параллельно оним испытывает и категоризацию – нахождение его уместной позиции в ментальном лексиконе, для чего требуется причисление его к определенному разряду (антропонимы, топонимы и т.д.) и домену (гидронимы, оронимы и т.д.). Люди обычно не знают терминов, но известное название сочетают с уже известной сферой знаний о мире. Далее в ход вступает семантика, происходит перегруппировка, транспозиция уже известных, имеющихся в ментальном лексиконе онимических концептов – например, фамилия О'Брайен ассоциируется с Ирландией, Волга ассоциируется с Россией и т.п.

Такая переработка, классификация имеющихся в ментальном лексиконе концептов происходит (сознательно, автономно или полуавтономно) в целом постоянно, даже во сне, что может приводить к наход-

кам, к появлению ранее незамеченных соединительных цепочек, в конце концов – к большим или меньшим открытиям. Деятельность ментального лексикона, наконец, компонует онимы в фреймы и домены (субфреймы), постоянно достраивая и перестраивая то и другое. Все это приводит в порядок ментальный лексикон и путем концептуализации и категоризации делает его более вместительным.

Таким образом, имена преимущественно приходят в язык мозга из «окружающего мира», т.е. из-за пределов Я носителя ментального лексикона. В то же время ментальный лексикон является не только приемником, но и творцом. Каждый человек участвует в актах номинации – в создании и развитии речи, в том числе в создании онимов. В пределах ментального лексикона могут не только воспроизводиться, но и создаваться новые имена. Придумывают или выбирают, так или иначе, осуществляя акт номинации, онимы для людей, для произведений, для новоосвоенных объектов местности, для животных, для астероидов или спутников планет или объектов на их поверхности и т.д. Если оним не приходит в ментальный лексикон, а творится в нем, этот оним все равно опирается на какие-то языковые факты, имеющиеся за пределами ментального лексикона.

Помимо того, оним, приходит ли он в ментальный лексикон извне или творится в самом ментальном лексиконе, все равно связывается с определенным концептом. Концепт всегда объемнее, шире слова, поскольку, кроме вербального, включает также невербальный компонент, а слово по своей сути на это не способно. Концепт также включает, кроме общепринятого, еще индивидуальный, присущий только данному ментальному лексикону ассоциативно-семантический компонент, который при общении не выходит за пределы ментального лексикона своего носителя.

Имена приходят в ментальный лексикон и выходят из него. Собственно говоря, здесь речь идет о двух совершенно разных процессах: 1) выход онима в текст, в речь, когда он используется для коммуникации, оставаясь при этом полноправным концептом в составе ментального лексикона; 2) выход онима из состава ментального лексикона – его выпадение из памяти, забывание. Эти процессы имеют разный смысл и различные механизмы своей реализации, причем оба существенны для понимания ментального бытия имен.

В первом случае, при коммуникативном использовании имеющих в ментальном лексиконе имен, происходит их переработка, перекодировка. Онимы-концепты репрезентируются в словах и, вербализованные, выходят из ментального лексикона – произносятся или записываются в составе речевой цепочки. При этом онимы как наименование единичных объектов четко и конкретно привязаны к определенному месту (прежде всего топонимы) и определенному времени (прежде всего антропонимы).

При этом они, во-первых, просто и экономно создают хронотоп – привязывают сказанное, особенно если сказанное является художествен-

ным произведением, к определенному времени и определенному месту; во-вторых, образуют прочные связи со своим денотатом (что особенно существенно в случае онима, поскольку его денотат – единственный), служа для него своеобразным «якорем», который вовлекает разнообразные (и часто весьма значительные) знания, пресуппозиции, связанные с этим денотатом. Так, при восприятии имени *Кутузов* актуализируется информация о победах и боевом духе российской армии, актуализируются и другие онимы, такие, как *Бородино*, *Москва* и т.д. Эта особенность имен делает их важным фактором общего упорядочения ментального лексикона, а при использовании их в процессе коммуникации порождает для имени собственное эксплицитное или имплицитное семантическое сопровождение. Можно сказать, что в речевой цепочке каждый включенный туда оним формирует отдельный фрагмент картины мира со своими внутренними пространством и временем.

Во втором случае, когда имя собственное не выходит из ментального лексикона для использования, а выпадает из него, забывается, теряется памятью, мы наблюдаем совершенно другой процесс, которому присущи совершенно другие механизмы, другой ход и другие результаты. Процесс забывания и причина забывания – очень интересные и сложные когнитивные феномены. Главная из причин – прагматическая. Наиболее интенсивно забывается то, что перестало быть актуальным или стало ненужным (определение нужного и ненужного является субъективным и поэтому нередко ошибочным), то, что долгое время не применялось в коммуникативных актах носителя ментального лексикона. Общественной причиной забывания иногда является табу, которому нередко подвергались также и имена. Табу, преимущественно этического направления, существует и сейчас, но оно утратило свою обязательность и довольно легко нарушается. В процессах забывания едва ли не самым интересным является то, что они обычно не бывают необратимыми. Нередко онимы, забытые в молодости, вспоминаются только на склоне лет. Из забытого может вспомниться сначала денотат, а уже потом сопряженное ему имя. Нередко бывает наоборот – вспоминается сначала оним, а за ним следует денотат. Может вспомниться только одна половина связи оним – денотат.

Это явление припоминания забытого содержит значительную и интересную информацию о бытии онимов в ментальном лексиконе. Если сегодня забыл, а завтра вспомнил, то это означает, что оним, хоть он и забыт, не выпал из ментального лексикона, а спрятался на периферии, может, в подсознании, и для поисковых систем, которыми владеет ментальный лексикон, оказывается недоступным. Процессы постоянной внутренней концептуализации и категоризации, особенно активизированные внешними раздражителями, приводят в конце концов к тому, что якобы забытое вдруг выплывает на поверхность ментального лексикона, в зону его активного действия. Процессы забывания имен, как и процессы использования в актах коммуникации, позволяют сделать ряд существенных выводов об организации ментального лексикона и о

его работе. В этой связи уместно говорить уже не только о когнитивной ономастике, но и об ономастической когнитологии.

Концептуальное оформление получает фактически все информационное пространство ментального лексикона, а не только та его часть, которая в данный конкретный момент функционирует. Предположительно, концепты находятся на поверхности знания, а в глубине расположены сжатые, минимизированные схемы или, иначе, символы концептов, которые при необходимости вызываются на поверхность, получают формы полноценных концептов и включаются в речемыслительную деятельность. Другими словами, символы в ментальном лексиконе – это пассивные концепты, а концепты – это активизированные символы. Подчеркнем, что термин «символ» употребляется здесь в специальном, несколько необычном смысле. Речь идет о символах, которые являются таковыми только в пределах конкретного ментального лексикона как результат его операциональной деятельности. В этом случае символом концепта становится существенная редукция этого концепта, что позволяет вместить в ментальный лексикон огромное количество информации. Концепт, трансформируясь в символ, символизирует сам себя. И этот процесс редукции (символизации) может заходить так далеко, что человек уже не способен добыть символ концепта на поверхность ментального лексикона и происходит забывание, которое преимущественно представляет собой только иллюзию забывания.

Непрерывный процесс категоризации, который происходит в ментальном лексиконе, держит его в активном, рабочем состоянии, а редукция и «развертывание» концептов заставляет языковое сознание находиться в постоянном движении. Однако это не беспорядочное броуновское движение, а систематизация, упорядочение, образование новых когнитивных структур (по Р.Лангакеру), т. е. новых связей между концептами, которые, кстати, в процессе социолингвистического эксперимента репрезентируются как реакции на заданный стимул.

Эти процессы систематизации информационного содержания ментального лексикона в контакте с объективной действительностью и под влиянием объективной действительности приводят, кроме уже указанного, к двум существенным результатам. Оба касаются любых концептов, но мы сосредоточим свое внимание на концептах онимических. Первый из них – профилирование концептов. Профилирование в понимании Рональда Лангакера приводит к изменению денотата, а следовательно, в онимах – к появлению нового онимичного концепта, причем, а) с сохранением того же домена: *Авессалом Изнуренков, отец Федор, Ипполит Матвеевич Воробьянинов* (И.Ильф и Е. Петров); б) с изменением домена: *имя Луарвик > фамилия Луарвик* (А. и Б. Стругацкие), *река Москва > город Москва*; в) с заменой разряда (фрейма): *богиня Венера > планета Венера, имя Антон Рубинштейн > пароход Антон Рубинштейн* (И.Ильф и Е. Петров) и т.п.

Профилирование в понимании Ежи Бартминьского не изменяет денотат концепта, а следовательно, и сам концепт, но меняет его вос-

приятие, отношение к нему, его общественную оценку. Поразительной динамикой своего восприятия, кардинального перепрофилирования в пространстве и особенно во времени подверглись денотаты, обозначения антропонимов *Троцкий, Сталин* и т.д., также сакральные денотаты, обозначенные теонимами *Венера, Перун, Один, Кецалькоатль* и другие имена божеств, верования в которых отошло в прошлое [Бартминьский, с. 52].

Второй результат систематизации концептуального содержания ментального лексикона – выстраивание онимических фреймов. Фреймы как понятийные структуры, «средства организации опыта и инструменты познания» (Ч. Филлмор), в отличие от лексико-семантических полей (или групп, систем), имеют не только и не столько интралингвистические основы, сколько экстралингвистические, мотивируясь внеязыковыми факторами, объективной действительностью, унифицированными схемами опыта [Fillmore, p. 64].

Главная примета имен – идентификация единичных денотатов – неразрывно связывает их с внеязыковой действительностью, тем самым предоставляя им фреймовые свойства. По типам денотатов и, соответственно, способам их категоризации и номинации, они выстраиваются в ментальном лексиконе, по нашим наблюдениям, в девять типов фреймов: 1) антропонимических (объединяет наименование людей), 2) топонимический (названия географических объектов) 3) теонимический (имена богов, божеств, персонажей религий и мифологий), 4) эргонимический (имена объединений людей), 5) зоонимический (клички животных), 6) космонимический (имена небесных тел, их объединений и их частей), 7) хронимический (наименование событий, выдающихся временных отрезков), 8) хрематонимический (имена отдельных материальных объектов), 9) идеонимический (наименование идеальных, духовных предметов).

Каждый фрейм состоит из нескольких субфреймов, которые могут быть обозначены также употребляемым в когнитологии термином *домен*. Так, космонимический фрейм объединяет такие домены: 1) названия созвездий, 2) названия звезд (здесь подошел бы термин астрономия, если бы он не употреблялся как синоним фреймового обозначения космонимия), 3) наименование планет (планетонимы), 4) наименование астероидов – малых планет, 5) имена спутников планет, 6) названия комет (кометонимы), 7) названия галактик, прежде всего – нашей, Млечного Пути, 8) названия деталей поверхности космических тел (космотопонимы).

Помимо этого, каждый фрейм делится на общезыковой и индивидуальной фреймы (с наличием промежуточных коллективных – общественных, территориальных и т.д. – фреймов). Поскольку ментальный лексикон является фактом принципиально индивидуальным (один ментальный лексикон принадлежит только одному человеку, у разных людей – разные ментальные лексиконы), то и изучение ментального бытия онимов должно быть сосредоточенным на изучении индивидуаль-

ных онимических фреймов. Ментальность народа существует, но народного ментального лексикона нет. Языковое сознание индивидуума не выходит за пределы мозга. То, что получается путем перекодирования (вербализации) концептов в слова (морфемы, фразеологизмы), исходя из потребностей коммуникации, становится уже достоянием данного языка.

При этом существуют онимические фреймы в языковом сознании, в индивидуальном ментальном лексиконе. Все остальные речевые и языковые их проявления являются отражениями того, что происходит в языковом сознании носителей языка. Поэтому ведущим путем познания форм бытия, когниции и функционирования онимов является изучение индивидуальных онимических фреймов. С точки зрения Е.Ю. Карпенко, каждый из индивидуальных онимических фреймов имеет концентрическую структуру, сосредоточенную вокруг определенного проявления Я носителя ментального лексикона и включает не менее четырех кругов. Е.Ю. Карпенко выделяет пример четырех кругов антропонимических фреймов:

1) «ты-круг» (родня, друзья, близкие люди), а в других фреймах – все ближе: малая родина, ближайшее окружение, родная религия, любимые произведения, предметы, события);

2) «вы-круг» (лично знакомые люди, по другим фреймам – знакомые местности, организации, прежние верования своего народа, все то, что человек видел, посещал, слышал, читал);

3) «они-круг» (известные человеку исторические лица и вообще вся онимическая информация, имеющаяся в ментальном лексиконе без личного знакомства человека с денотатом; на этом уровне можем, как в топонимии, эргонимии, идеонимии, выделить не один, а несколько кругов);

4) круг неизвестности (наименование тех людей, местностей, богов, животных, организаций, предметов, явлений, событий и т.п., которые в конкретном ментальном лексиконе отсутствуют). Круг неизвестности относится к индивидуальному онимическому фрейму как потенциальный, так как он является источником когниции и находится в тесных и плотных связях с группами онимов, которые в ментальном лексиконе имеются [Карпенко, с. 72 – 82].

Говоря об общности различных ментальных лексиконов, не следует забывать о еще одном факторе, не самом важном. Ментальный лексикон ребенка наполняется, прежде всего, путем усвоения информации от ближайшего окружения: родителей, старших братьев и сестер – от семьи. Ментальный лексикон формируется в семье, но он там не создается. Ребенок уже рождается с ментальным лексиконом, который изначально является сплошь невербальным [Хомский]. С развитием ребенка он все больше вербализируется, при этом известно мнение, что ребенок все названия воспринимает и принимает как имена собственные, а потом уже приходит расщепление их на собственные и нарицательные. Здесь, можно думать, онтогенез является отражением филогенеза: именно

так развивались отношения онимов и апеллятивов в развитии человечества. Все имена, как известно, являются вторичными, образованными в конечном счете от апеллятивов. В процессе возникновения языка названия воспринимались как собственные: так понятнее, конкретнее. Наричательная номинация требует абстрагирования, до которого надо было еще дорасти. Разделение первых слов, принципиально онимических, на общие и собственные привело к превращению бывших названий, которые понимались как собственные, в названия общие; роль общих названий как выразителей основных, жизненно значимых вещей и явлений в ментальном лексиконе возросла, и они стали доминировать; это породило осознание сущности имен как названий единичных и тем самым исключительных вещей и явлений, что и привело к осмыслению имен как вторичных, производных от названий общих.

Семантическое наполнение онима в ментальном лексиконе лучше всего выявляется путем ассоциативного эксперимента. Значение каждого онима (вообще каждой лексемы) можно представить в виде ассоциативного поля, систематизируя ассоциативные реакции на онимическую лексему. Сколько бы ни было участников эксперимента (реципиентов), в их реакциях, если они являются носителями одного языка, практически всегда будет что-то общее и что-то отличное. Совместное принадлежит общезыковым фреймам, прежде всего, это наиболее частотные ассоциации. Нижняя часть ассоциативного поля – ассоциации, которые произошли один-два раза, – принадлежит к индивидуальным фреймам.

Специфика онимического ассоциативного поля по сравнению с апеллятивным заключается в том, что здесь почти всегда происходят поиски наиболее адекватного денотата (оним указывает только на один денотат, но претендентов с названиями-омонимами, особенно среди антропонимов и зоонимов, может быть много). Ассоциативные исследования онимических полей позволяют также разграничить различные разряды онимов. Вообще, для подробного выяснения бытия онимов в ментальном лексиконе ассоциативные эксперименты и разработанные на их базе онимические ассоциативные словари крайне нужны. Их разработка – одна из неотложных задач когнитивной ономастики.

Сущность и функционирование ментального лексикона, состав и формы существования его единиц, сохранение, трансформации и взаимодействие этих единиц, в том числе единиц онимических, только начали открывать перед наукой свои тайны. Уже сейчас можно сделать вывод, что имена в ментальном лексиконе играют значительно более существенную роль, чем в языке и речи. Они не просто существуют в ментальном лексиконе в большом количестве (как правило, их там больше, чем общих названий). Становясь, подобно всем единицам ментального лексикона, концептами в активной или в пассивной форме, они служат организаторами ментального лексикона, координаторами языковой картины мира, заголовками свернутых структур памяти и средствами развертывания и экспликации этих структур в речемыслительной деятельности.

Литература

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер.с польского / сост. и отв. ред. С.М. Толстая М., 2005.

Карпенко Е.Ю. Когнітивна ономастика як новий напрямок вивчення власних назв // Восточноукраинский лингвистический сборник. Донецк, 2006. Вып. 10.

Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.

Fillmore Ch. J. Scenes-and-frames semantics // *Cole R. W.* Current Issues in Linguistic Theory. Bloomington/London: Indiana University Press, 1977.

References

Bartmin'skii Ezhi, Yazykovoii obraz mira: ocherki po etnolingvistike. Perevod s pol'skogo. Sostavitel' i otv. redaktor S.M. Tolstaya. M., 2005.

Fillmore, Ch. J. Scenes-and-frames semantics // *Cole R. W.* Current Issues in Linguistic Theory. Bloomington/London: Indiana University Press, 1977.

Karpenko E.Yu. Kognitivna onomastika yak novii napryamok vivchennya vlasnikh nazv // Vostochnoukrainskii lingvisticheskii sbornik. Donetsk, 2006. Vyp. 10.

Khomskii N. Yazyk i myshlenie. M., 1972.

Larina T.Yu. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Features of the onymic conceptualization and categorization and place of onyms in mental lexicon

Today, a new branch of onomastics is being formed - cognitive research of the name. In this area, it has been changed not only the aspect, but also the subject of study. If onomastics comprehends names, cognitive onomastics studies how this knowledge is implemented, what the mechanisms of name cognition are. As cognition is carried out by conscience with brain language, cognitive onomastics deals primarily with the mental lexicon. Figuring out ways of being and functioning in onim mental lexicon is a major problem in cognitive onomastics. From this problem arise others: forms of conceptualization of names; properties of onymic concepts; ways of organizing concepts in onymic frames and domains on the basis of unified knowledge structures and their relationship to extralinguistic reality; distinction of onymic frames, etc. It has been changed methods of cognitive research of onyms. It can be concluded that the names in the mental lexicon play much more important role than in language and speech. They simply do not exist in mental lexicon in large quantities (usually there are more common names). Becoming, like all units of the mental lexicon, concepts in active or passive form, they are the organizers of the mental lexicon, coordinators of linguistic world, titles of folded memory structures and deployment tools and explication of these structures in speech and thinking activity.

Key words: *categorization and conceptualization, onym, mental lexicon, frame, domain, onymic concept, onymic nomination.*

Larina Tatyana Yurievna – lecturer of the English language for faculties of the humanities dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University; post-graduate student of Russian language and theory of language dpt. Institute of linguistics, journalism and cross-cultural communication of Southern Federal University. Tel.: 8-928-155-31-37; e-mail: tatianalarina2008@yandex.ru